

КРУГЛЫЙ СТОЛ ПО СОЦИОЛОГИИ ФИЛОСОФИИ

26 мая 2001 г. на факультете социологии СПбГУ в рамках семинара «Интеллектуальные сообщества Санкт-Петербурга: инвентаризация интеллектуальных ресурсов» состоялся круглый стол на тему «Социология философии». В нем приняли участие:

Канд. филос. наук, доцент факультета социологии СПбГУ В.Е. Семенов; канд. филос. наук, доцент философского факультета СПбГУ Е.К. Краснухина; доктор филос. наук, профессор философского факультета СПбГУ М.С. Каган; доктор филос. наук, профессор философского факультета СПбГУ К.С. Пигров; редактор философского журнала «Ступени» П.В. Кузнецов; канд. филос. наук, доцент философского факультета СПбГУ Н.Б. Иванов; канд. ист. наук, сотрудник С.-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН А.Н. Дмитриев; канд. филос. наук., доцент философского факультета СПбГУ А.Н. Исаков (участвовал в круглом столе заочно); преподаватель факультета социологии СПбГУ С.В. Дамберг (участвовал в круглом столе заочно).

Круглый стол начал свою работу с выступления его организатора **В.Е. Семенова**:

В разговоре об интеллектуальных сообществах Санкт-Петербурга и месте философского сообщества я отправляюсь от очевидного факта присутствия философского сообщества в городе. Это философское сообщество соотносится с другими интеллектуальными сообществами города, с самим городом. Но речь о специфике философского сообщества Санкт-Петербурга предпочтительнее начать, сказав несколько слов о самом сообществе, о его структуре, составе и т.д.

1. Что касается структуры профессионального философского сообщества Санкт-Петербурга, то тут можно сказать следующее. Городское философское сообщество как профессиональное сообщество имеет двухуровневую структуру: в нем без труда выделяется философский факультет Санкт-Петербургского государственного университета и все остальные части сообщества, образующие некую периферию. При этом качество философствования — профессиональных практик — существенно различается на двух этих уровнях как «первосортное» и «второсортное». Соответственно, различаются и профессиональные требования, предъявляемые философам: если философ не имеет профессиональных связей с университетским факультетом, то от него и не ждут современного профессионализма, а значит, ему не положено (по статусу в профессиональном сообществе) выступать с публичными сообщениями (публикациями), претендующими на об-

сезначимость. Если же это не так, то философ обязан занимать некую исключительную позицию как в профессиональном философском сообществе, так и в публичном пространстве города. Исходя из этого, можно сказать, что тот, кто находится вне профессиональных связей с философским факультетом, тот находится вне философского сообщества Санкт-Петербурга. Иначе говоря, выход за пределы философского факультета равнозначен выходу за пределы философского сообщества.

В данной двухуровневой структуре интересна ситуация на самом философском факультете СПбГУ. Дело в том, что факультет сам по себе ни в коем случае не следует называть профессиональной элитой: факультет доминирует в сообществе «по определению». Он является номенклатурой, и качество (высшее для всего сообщества) профессионализма его сотрудников определено не признанием членов сообщества, а штатным расписанием. Факультет доминирует как институт, и признание профессионализма его членов обусловлено его институциональным значением. Но, с другой стороны, все инициативы, суждения и сам дискурс, задаваемый факультетом, в принципе, легитимны для всего сообщества, и, кроме того, действительная профессиональная элита ангажирована именно университетским факультетом, а не какой-либо другой частью городского философского сообщества. Соответственно, можно предположить, что университетский факультет имеет два источника символического капитала, необходимого для воспроизводства данной двухуровневой структуры: с одной стороны, этот капитал имеет институциональную природу, с другой — пополняется за счет «найма» элиты «на работу».

II. Каждое интеллектуальное сообщество имеет свою интеллектуальную традицию и погружено в культурный контекст своего региона. Какова интеллектуальная традиция философского сообщества? Представляется, что прежняя традиция — марксизм — прервана, т.к. отсутствует интерес к марксизму у философов прежде всего самого философского факультета. На факультете не обсуждается марксизм как актуальное направление современной философии, нет диссертаций о марксизме, не проводятся конференции на эту тему. На I съезде философов в Санкт-Петербурге в 1997 г. секция марксистской философии была одной из самых малочисленных. Поразительно быстро отечественные философы расстались с базовыми положениями марксистской философии советского образца: базис, надстройка, классы, духовная жизнь общества и т.д. И это расставание не вызывает ностальгии практически ни у кого из тех, кто задает тон в философии сегодня, кто расставляет приоритеты. Отсутствие ностальгии позволяет сказать, что традиция прервана, но дело в том, что самим философам не ясно, какая именно традиция перестала существовать. Конечно, здесь возникает вопрос: что мы имеем в виду, когда говорим о марксистской интеллектуальной традиции в нашем обществе? Советский опыт отечественной философии дал только имя и направление этой традиции, но не ее существо. Наличие имени — это все, что может связывать современных философов с советской эпохой. Однако за именем должно быть содержание, которого сейчас нет. Но тут встает вопрос: насколько это очевидно для самих философов? Представляется, что сами философы не переживают отсутствие содержательных связей с советским периодом марксизма как существенную для их сообщества проблему. Обретение новой традиции предполагает и новую идентичность, новую презентацию своего сообщества за пределами своей корпорации, в публичном пространстве. Неочевидно, что отечественные философы, и петербургские в том числе, испытывают необходимость презентовать себя как-то иначе, чем раньше. Так мы выходим на следующую тему: публичность философского сообщества в нашем городе.

III. Кроме факта присутствия философского сообщества в городе можно указать еще на факт поиска философам своего признания. Это признание может быть обретено в поле профессиональной корпорации и в рамках своего региона/города, точнее, в поле интеллектуального сообщества города.

Признание в городской интеллектуальной среде может накапливаться наиболее эффективно тогда, когда философ осознает себя в городе публичной фигурой. Если же он видит философию как предмет закрытых, клановых, кастовых профессиональных практик, то тогда он интегрируется в номенклатуру и выступает не в рамках городского публичного пространства — не в «Борее», а на философском факультете. Иное дело, что публичный философ может (?) провоцировать профессионально статусное сообщество на публичную активность.

Наличие возможных двух полей для обретения признания задает разные векторы его социальной карьеры как философа: вектор профессиональной карьеры и вектор публичной карьеры. Представляется возможным сказать, что эти вектора не противоречат друг другу, неперпендикулярны, а сонаправлены. По крайней мере, в нашем городе это обстоит именно так. Петербургский философ может быть успешным в профессиональной карьере и при этом игнорировать в принципе места публичного взаимодействия в городе, тот же «Борей». Но наоборот — уже невозможно: невозможно игнорировать философский факультет и быть успешным в том же «Борее», т.к. «Борей» и ему подобные места публичного взаимодействия не дают такого социального капитала, как взаимодействие на философском факультете. Ресурсы философского факультета и мест публичных деклараций в Санкт-Петербурге не равны, поскольку в публичном пространстве нашего городе наблюдается дефицит символического капитала. Это проявляется уже в том, что в нашем городе нельзя существовать интеллектуалу самостоятельно от каких-либо сообществ. Поэтому успешное существование в интеллектуальной среде города должно быть подкреплено успешным членством в каких-либо других, как правило, профессиональных сообществах. Успех в «Борее» основывается на успехе в профессиональном сообществе, но это сообщество может быть и не философским. В этом состоит парадокс получения признания в интеллектуальной среде города. В этой среде философами считаются и те, кто формально философами не числится, т.е. не являются членами профессионального сообщества. Тут можно заметить, что для иного профессионала (филолога, социолога, психолога и т.д.) популярность всегда сопряжена с угрозой фальсификации его профессионального признания, признания по цеху. В то время как выступление с философских позиций в публичном пространстве органично для представителя любой профессии. Уже в силу этого тот же филолог или социолог, добывающий признания регионального сообщества, презентует себя в публичном пространстве как философ.

Далее последовали вопросы и выступления по предложенной теме.

М.С. Каган: В каком смысле можно говорить о власти философского факультета в философском сообществе города?

В.Е. Семенков: Власть как способность влиять.

К.С. Пигров: Я понял, что доцент Семенков говорит о власти как о способности самовоспроизводства некоторого сообщества. Если философ, допустим, член Ученого Совета факультета, то он актом голосования участвует в воспроизводстве сообщества. Но меня лично заинтересовал сюжет о номенклатуре.

Е.К. Краснухина: На философском факультете всегда существовало разделение на андеграунд и номенклатуру. Возможно, эта ситуация связана с тем, что студенты объединяются в группы не по дисциплинам, а по методологическим интересам, в то время как на факультете формально предоставлено разделение на кафедры по научным дисциплинам. Таким образом появляются маргиналы и люди, которые одновременно ведут деятельность в обеих группах (на кафедрах и в неформальных кругах).

М.С. Каган: Главное отличие петербургской философии от московской, от киевской, от белорусской заключается в том, что там она имеет основой академические институты. Философский факультет МГУ ничего интересного собой не представляет,

сейчас он полностью во власти коммунистов. Они выдают ученые звания Зюганову и Жириновскому. Пожалуй, только история философии там представлена традиционно. А Институт философии, при всем том, что его позиции сейчас пошатнулись по сравнению с тем, что было в прошлом, объединяет самых интересных философов. Он является действительно тем центром, который оказывает влияние на все вузы. Им платят гроши, гораздо меньше, чем в вузах, поэтому все сотрудники Института философии по совместительству работают в вузах и даже, как правило, не в одном. Институт имеет свое издательство, но сообществом его назвать трудно, т.к. там представлены очень различные методологические позиции. Сотрудники института не имеют друг с другом ничего общего, кроме того, что получают деньги в одной кассе. Постановка вопроса, предложенная В.Е. Семеновым, правомерна с социологической точки зрения, но важнее всего — методологическая. Поэтому наш факультет называть сообществом нельзя из-за слишком различных методологических установок его работников. Вместе с тем, никакой власти философский факультет СПбГУ над факультетом Герценовского университета не имеет, там весьма сильны русофильские настроения. Я являюсь членом Ученого совета в университете Герцена, и ко мне там относятся уважительно не как к представителю философского факультета СПбГУ, а как к личности. Философский факультет действительно является центром философского сообщества, но только по той причине, что у нас в городе нет академического философского института — наука делается в вузах, на кафедрах. Такого массива философов, как на факультете университета, ни в одном вузе города нет, поэтому он обладает влиянием, но я бы не назвал это властью. Власть — это способность управления, а философский факультет ничем в городе не управляет.

Мне интереснее всего, в какой мере традиции петербургской философии сегодня сохраняются или не сохраняются, и что происходит в нашей философии после смерти официального марксизма. Сейчас ведь каждый может придерживаться какой угодно философской ориентации, выстраивать свой лекционный курс; можно ли говорить о существовании сообщества в такой ситуации? Я дважды выступал с предложением консолидации философов посредством систематического ежемесячного обсуждения издаваемых книг, но ничего в этом направлении не сделано. Если раньше такое практиковалось, бывали острейшие дебаты, но не на уровне науки, а на уровне идеологии. Сейчас ни на филологическом факультете, ни на историческом подобных обсуждений не происходит по причине общей научной апатии. На нашем факультете работают семинары по синергетике и онтологии, но большая часть преподавателей факультета участия в них не принимает.

К.С. Пигров: Очевидно, что прелесть и опасность нашего обсуждения состоит в том, что мы обречены на проговаривание общих мест. Вроде бы все это и «так» знают, но когда переводить это «так» на научный язык, могут получиться интересные результаты.

М.С. Каган предложил здесь классическую схему, в соответствии с которой социальная форма по существу вторична, а потому и не существенна для развития философских идей. С этой классической точки зрения социология философии не столько невозможна, сколько неинтересна. Я бы выделил другую структуру мысли, которая может предстать как альтернатива сказанному М.С. Каганом. Эта структура состоит в том, что социальные отношения людей влияют на те идеи, которые продуцируются ими, и на развитие этих идей. В сущности, речь идет о современном историзме в духе М. Фуко и постпозитивизма (например, П. Фейерабенд). М. Фуко показал, что такие социальные институты, как тюрьма, клиника, психиатрическая лечебница формировались при определенных социальных отношениях, при определенных структурах власти. Они, в свою очередь, также формировали определенные типы «знания-власти». Так же и философия как социальный институт формируется существовавшим образом при определенных социальных отношениях и внутри себя порождает структуры «знания-власти».

П. Фейерабенд особенно был озабочен тем, что наука по социальным формам своей организации превращается в «церковь», которая разрушает свободу научного поиска. Что уж говорить о философии, которая и не есть собственно наука, а *только на определенном историческом этапе* имеет научную форму, приспособленную для поиска истины в духе новоевропейской рациональности!

С этой точки зрения философия предстает как функционирование и эволюция сообщества профессионалов, которых объединяют предмет исследования, определенные нормы и этикет научно-философского поведения и т.п. Таким образом обсуждается *бытийствование* философии, ее укорененность в определенном сообществе, в известном смысле — «*поле российской философии*» по аналогии с «полем литературы» у Пьера Бурдьё. Именно социальное бытийствование философии и определяет идеальное бытие философских идей.

В связи с нашей темой мне хотелось бы вспомнить статью Э.М. Мирского, где он наукометрическими методами исследовал публикации журнала «Вопросы философии». Он показал, что даже в 1960-х гг., когда философия рассматривалась как идеологически нагруженная, главный философский журнал того времени живет, образно выражаясь, подобно пустоши, заросшей кустарником, а не как лес, состоящий из крупных деревьев и подлеска. Люди, печатавшиеся в «Вопросах философии», мало ссылались друг на друга; не было фактического идейного сообщества, сплоченного действительными идейными авторитетами. При этом, конечно, не было недостатка в ссылках на классиков марксизма-ленинизма. Короче, те социальные формы, в которые была заключена советская философия, не вели к содержательному расцвету философских идей, существенно ограничивали возможность духовного прогресса.

Что самое важное в бытийствовании философии? *Знание-власть*. Это тот демиург, который создает сплоченность философского сообщества, — его способность к самовоспроизводству. Столь распространенные морализирования по поводу *профессионализма* в философии есть не что иное, как обнаружение этой власти. Профессионалы ограждают таким образом свое сообщество от доступа непрофессионалов. В конкретных формах это проявляется в экспертных оценках на защитах дипломов и диссертаций. Профессионал голосует именно по вопросу о том, кого он допускает или не допускает в философское сообщество.

Разумеется, само сообщество профессионалов имеет внутреннюю структуру, свой центр и свою периферию. Существенна с этой точки зрения центрированность российской философии в Москве. Здесь концентрируется не только политическая, но и философская власть. Если мы хотим обеспечить, скажем, докторскую защиту молодого философа, вокруг которого существуют споры, то появление в качестве официального оппонента московского авторитетного философа, например, С. Аверинцева, будет убедительным доводом для членов петербургского ученого совета, чтобы они проголосовали «за».

Еще более высокий уровень философской власти, как это ни прискорбно, — Запад. Суждения западных «властителей дум» по поводу оценки того или иного российского философского произведения или философа обеспечивают ему успех и на родине. Мне представляется, что вкус к М.М. Бахтину как к философу у нас сегодня во многом определен Западом, в то время как, например, Б.Ф. Поршнев не воспринимается нами сегодня как авторитет, поскольку Запад не оценил его пока в должной мере. Запад может активно влиять на выживание, финансовое благополучие российских философов (через множество разнообразных грантов). Особенно существенна, конечно, издательская политика, во многом контролируемая Западом. Она определяет то, *что* лежит на прилавках книжных магазинов. Издания «Ad Marginem», столь популярные среди философской молодежи, могут служить прекрасной иллюстрацией подобной политики внедрения. Наша философия живет в основном как перевод с французского, в меньшей степени — с английского. Французская новая философия определяет настроение и стиль

если и не всех наших философов, то по крайней мере настроение и стиль философской молодежи.

Есть здесь и весьма поучительные для Запада просчеты. Самым характерным можно считать историю с К. Поппером. Его «Открытое общество и его враги» было очевидно замыслено как «главная книга» по социальной философии, которую спонсирует Сорос и научную редакцию которой осуществляет первый философ современного российского философского истеблишмента Садовский, но эта книга центральной в российской социальной философии пока не стала. Может быть, дело в том, что идейная закваска гегельянства в нашей ментальности оказалась сильнее. Иначе говоря, в данном случае идейные моменты оказались сильнее финансовых и организационных. Однако не исключено, что это только вопрос времени...

Если говорить о «петербургской философии», то здесь налицо, по крайней мере, три учреждения, где укоренены различные традиции: философский факультет СПбГУ — светская традиция, РХГИ — религиозная (христианская) традиция, РГПУ им. А.И. Герцена (факультет философии человека) — национальная традиция. (Разумеется, речь идет о традициях в господствующей тенденции, а не однозначно). Поэтому «центральность» философского факультета СПбГУ в рамках «петербургской философии», на чем так настаивал В.Е. Семенков, кажется мне относительной, особенно в перспективе.

Есть и еще одно существенное деление в рамках бытийствования «петербургской философии»: в том, как она помимо учебного процесса общается с заинтересованной публикой. Это определенное противостояние Дома Ученых на Дворцовой набережной, с одной стороны, и «Борея» на Литейном, с другой. В Доме Ученых концентрируется контакт общественности Петербурга с философским истеблишментом, а в «Борее» — с философским авангардом. К Дому Ученых тяготеет зрелое поколение, к Борю — тяготеет молодежь, как философская, так и вообще творческая (литераторы, художники и т.п.). Как правило, кто ходит в «Борей», тот не ходит в Дом Ученых, и наоборот.

Архитектура (эта «застывшая идеология») двух центров общения философов с общественностью весьма показательна. Лабиринт подвалов на Литейном в «Борее», выкрашенный в белый цвет, подчеркнуто, чтобы противостоять подвальной тьме, с развешенными по стенам современными живописными произведениями. В тесных комнатках собирается философская молодежь... Это с одной стороны. И с другой стороны, роскошный дворец в стиле эклектики, в котором расположился Дом ученых. Этот дворец был захвачен революционными матросами и парадоксальным образом превращен в «Дом культуры» для ученых. В начале 1920-х гг. здесь раздавали сушеную воблу голодающим интеллектуалам, а потом по существу создали «кружки по интересам». Сегодня, после финансового крушения советской науки, когда расходы на нее за 10 лет упали примерно в 20 раз, Дом ученых существует как «ДК» со смутными воспоминаниями о былом величии, и в его роскошных залах время от времени происходят собрания философского истеблишмента.

Этот пример, на мой взгляд, показывает, что не только финансовая или политическая составляющая существенна для бытийствования философии, но и связанная с ними укорененность в рамках той или иной архитектуры. Стены «помогают» или «мешают» выразить ту или иную мысль.

М.С. Каган: Сколько я знаю историю петербургской философии, к Дому ученых она не имела отношения, а имела — к Университету, к философскому факультету.

П.В. Кузнецов: Философия на философском факультете существует только благодаря тому, что она является госзаказом. Так можно сказать потому, что в России отсутствует традиция философского письма. Во Франции власть философов осуществляется благодаря тому, что их книги выходят большими тиражами,

вызывающими большой интерес общественности, и выпуск каждой книги является событием, которое освещается в средствах массовой информации. Таким образом, власть осуществляется посредством сформированного на Западе рынка текстов. В Петербурге же практически нет учебных книг, нет рыночной философии, а значит, и нет потребности в книгах, такой потребности, которая, например, существовала в период серебряного века русской литературы, когда все книги скупались в огромном количестве. Была налажена инфраструктура и прежде всего издательской деятельности (примеры: успех «Вех» и Бердяева). Философия, как говорил Гегель, это — роскошь. У нашего общества потребности в подобной роскоши (интеллектуальной деятельности) нет.

Е.К. Краснухина: Можно предположить, что одна из бед отечественного философа заключается в том, что он принадлежит скорее к национально-специфическому феномену «интеллигенции», чем к западно-европейскому или американскому типу интеллектуальной элиты. В чем заключается существенная разница между ними? Русская интеллигентная социальная среда сложилась в XIX в. из разночинцев — людей образованных, но в массе своей малообеспеченных. Когда-то приехавший прочитать лекцию в послереволюционный Петроград Б. Рассел сделал такую запись в своем дневнике: «Меня встретили какие-то оборванцы интеллигентного вида». Думается, что имидж «оборванцев интеллигентного вида» присущ не только постреволюционной, но и постреформенной русской интеллигенции, вообще характеризует ее социальное лицо. И дело не только в том, что интеллигентская среда складывалась из представителей небогатых сословий, а еще и в том, что по мировоззрению своему она была носителем этики далеко не протестантской, а антибуржуазной, осуждающей богатство и идеализирующей бедность. Культот интеллигентской бедности и отличается, прежде всего, отечественный мыслитель от западного интеллектуала — человека вполне обеспеченного, представителя среднего и высшего среднего класса, занимающегося делом, которое приносит доход и выгоду.

Во-вторых, отечественная интеллигенция и западная интеллектуальная элита являются носителями различного рода знаний и идей. У россиян — это душа, дух, жизнь по совести и религиозность общественной мысли, сохранявшаяся дольше, чем в других странах. У западного интеллектуала — это практическое и прикладное знание, «ноу хау», менеджмент, стратегии и технологии. Пафосно высокий идеал бесребнического интеллигентского образа жизни давно приземлен и саркастически занижен, скажем, в таких строчках Игоря Иртеньева: «Ноу смокинг, ноу фрак, даже хау ноу, у меня один пиджак, да и тот хреновый». Причем, материальная бедность жизни среднего интеллигента ставится в прямую зависимость от неутилитарности интенций его мышления.

Кроме бедности, во-первых, и непрактичности своих идей, во-вторых, российский интеллигент отличается от западных своих коллег еще одной важной гранью своего социального лика. Представители современной интеллектуальной элиты — это люди состоявшиеся, успешные, известные, популярные. В России же, напротив, сложился своеобразный интеллигентский комплекс — гордость непризнанностью, — артикулированный в принципе «Быть знаменитым некрасиво». Культ бедности дополнился культом неуспеха.

Проблема заключается не просто в том, что культ неуспеха следовало бы сменить на идеологию успешности интеллектуального труда. Проблема состоит в том, что успех и признание как форма личного профессионального существования неразрывно связаны с социальной значимостью и влиятельностью мысли. Философы не правят государством, как хотелось бы Платону. Но они могли бы править умами, быть властителями дум, создавать общественное мнение. Для этого серьезные мыслители оказываются недостаточно известными, популярными, «раскрученными» фигурами. Карьеры, конечно, делают, но внутри профессионального коммуникативного поля. В конкуренции различных профессиональных сообществ за публичное пространство философы не проявляют значительной ак-

тивности. Требования современного типа социального взаимодействия таковы, что профессиональный философ, как и любой «высоколобый интеллеktуал», должен включаться в систему массовых коммуникаций. И если российская философская интеллигенция сумела в свое время стать политически конъюктурной, то, видимо, она сможет стать рыночно и масс-медийно конъюктурной.

Если философ не будет осуществлять публичный дискурс, включаться в коммуникативные механизмы формирования рейтинга и популярности, его социальная роль будет ущербной и неполноценной. Ему останется только довольствоваться ролью человека-невидимки в пространстве социально зримого, знаково маркированного. Пока философское сочинение будет нужно только самому автору как необходимая ступень его карьеры, как нечто предъявляемое не широкой публике, а только узкому кругу коллег, проводящих профессиональные квалификационные экспертизы, до тех пор философ будет неприметной фигурой российского общества, а резонанс от его творчества будет незначительный. Собственно в этом и заключается различие современных российских и французских авторов-философов: отечественный философ трудится над очередной монографией, а французский автор готовит к выходу в свет даже не просто книгу, а очередной бестселлер.

Н.Б. Иванов: Современная философская ситуация характерна по меньшей мере тем, что за нее никто не возьмет на себя ответственность — ни здесь, в Питере, в России (что почему-то кажется естественным), ни «там», в Европе или где-либо вообще. И дело тут не в отсутствии у философов характера, а в ситуации — определенности. Дело, скорее, в диффузии философии к особой дисциплинарной практике, перформативно срачивающей друг с другом слово «нормальной» науки (в смысле Куна) и дело «несвоевременного» мышления (в смысле Ницше). От «слова» при этом остается социальная инструкция по пользованию историческими идеологиями, а от «дела» — историческая деструкция общественного самосознания. Отвечать за них — значит определять сегодня ситуацию. Определять — значит ее изменять. Но именно это и не позволяет сделать перформатизм их синтеза.

Современное мировое философское сообщество децентрировано. И уже в силу этого мы сейчас не слишком зависимы от французской мысли, как это было в 1960–1970-х гг. Сегодня французская философия — это литература для студентов. В современном мире ни одна из стран не возьмет на себя ответственность быть центром философии. И этот «сегодняшний» ее день, к сожалению, слишком напоминает безвременье.

Ситуация на философском факультете мне кажется не слишком уникальной, она отражает ту ситуацию, которая сложилась в мире и внутри себя определяется противостоянием двух основных стилей умозрения (с одной стороны, аналитическая философия, с другой — континентальная), а извне — мерой приближенности философского дискурса к дискурсу властному. Философия всегда с легкостью могла встать на службу практически любому идеологическому режиму. Она это по-прежнему и делает. Такова ситуация в мире: в Америке, в Европе, в России, такая же ситуация и на факультете. Легче всего понять, что творится в мире, если приглядеться к ситуации на философском факультете. Конечно, здесь есть своя специфика, и, прежде всего, она гарантируется ближайшей историей, тем опытом тотальной деморализации, который пришлось пережить в нашей стране всем профессиональным философам вместе с крушением «берлинской стены» — деморализации того же рода, что и в случае с советской милицией начала 1990-х гг., когда она не знала, кого «хватать» — правых или левых, и даже — кто из них кто. Так случилось, что философией были потеряны все нравственные, идеологические, политические и социальные ориентиры, благодаря чему самым роскошным цветом расцвел философский дилетантизм, но с другой стороны, и свобода, и то, что никак не могло бы прорасти на более или менее утопанной академической почве европейской мировой философии. Философский факультет СПбГУ

сейчас успевает пройти за десять лет эволюцию, которую, может быть, некоторые страны проходили за сотню лет.

Внеакадемическую философию нашего города идентифицировать трудно по каким-то внутренним характеристикам, потому как она внутри себя очень дифференцирована, разные ответвления ее друг на друга вовсе не похожи. Но, тем не менее, фактом остается то, что происходит некий процесс эманации форм умозрения, не принятых в университете, в город, страну, мир и наоборот, многие из тех, кто занят в смежных областях, в первую очередь — гуманитарных, также вторгаются в традиционно философское поле и существуют в нем достаточно комфортно. В нашем городе это происходит уже около двадцати лет, и сложились свои традиции, в том числе традиции взаимоотношений между университетом как центром и городом с его музеями, галереями и театрами.

Внешние условия на факультете благоприятны для того, чтобы сделать карьеру, это стимулируется, но в столь узких спектрах, в столь исковерканном экзистенциальном горизонте, что это вызывает глубокое сожаление. Стать участником производственного процесса на факультете и сделать факультет своим домом — это разные задачи, но большинство людей эти задачи просто не различает. Однако для успешного функционирования на факультете нет необходимости видеть его как дом. Достаточно просто легитимно существовать на нем. Факультет, как дом, открыт для всех. И в принципе такова позиция руководства факультета. Всем на факультете дается шанс и право говорить, говорить то, что они хотят и считают должным сказать.

Так случилось, что наш факультет такой огромный, что в нем существует большое количество отделений, но не существует таких пространств, в которых мы, философы, с ними пересекаемся. Давно говорят о том, что из поля философии как бы вытесняется логика, но на нашем факультете она является одной из самых философских дисциплин. Когда же речь идет о некотором синтезе гуманитарных наук, например, в лице конфликтологии и политологии, то присутствие там философского элемента если не сводится к нулю, то очень недостаточно выражено.

К вопросу о прерывности и сохранении интеллектуальной традиции. У нас ситуация двойственна, но все же можно сказать, что и сейчас марксизм является объединяющим началом академической философии. Иное дело, что в этих пределах можно найти большую вариативность. Зачастую под марксизмом скрывается профессиональный инфантилизм, который всегда живет в академических кругах. Сейчас марксистом мы можем назвать только того человека, который сам так себя называет, и в этом выражается не только его философская, но и социальная позиция. В то же время марксизм является, в некотором роде, бессмертным течением, а его критика, в свою очередь, ведет к разработке того же самого марксизма.

Надо иметь в виду, что город большой, существует достаточно серьезный полюс по отношению к университету, я имею в виду Европейский университет, где совсем другая школа, где совсем другая дисциплина и где складывается потенциал, вполне сравнимый с потенциалом самого философского факультета. Между тем как Европейский университет представляет собой частицу мощного мирового проекта, который притязает на революционное изменение в общей гуманитарной картине современности, философский факультет склонен его игнорировать. Несмотря на отсутствие там отделения философии, их исследования весьма философичны. Опыт показывает, что ничего сегодня нельзя сделать достойного ни в какой из гуманитарных или социальных дисциплин без фундаментальной философской проработки вопроса, так повелось, по меньшей мере, со времен Бахтина и Леви-Строса, и кем были бы Бурдье и Фуко без освоения европейского философского дискурса? Я уже не говорю об историках, в первую очередь о тех же самых французах, фундаментальная философская подготовленность которых позволяет сделать их историографию ведущей в мире до сих пор. В России таким примером может послужить С.С. Аверинцев. В этом смысле совершенно

не случайно то, что за последний год именно в Европейском университете, на мой взгляд, были проведены самые интересные конференции, посвященные Фуко и Ницше, в которых, к сожалению, преподаватели нашего факультета приняли не самое активное участие, не без скрытых, как мне кажется, причин. Это связано как с манией величия философского факультета, так и с его комплексом неполноценности. С одной стороны, Европейский университет видится с позиции СПбГУ как мелкая структура с непонятным статусом, но с другой стороны — профессиональное общение на его территории может быть столь жестким, что это отразится на вашей профессиональной репутации в городе. С этим также связаны и социальные факторы: известно, что преподаватель в Европейском университете обладает другим социальным обеспечением своей профессиональной деятельности, нежели преподаватель университета. Это порождает особый психологический комплекс и ситуацию бойкота Европейского университета со стороны СПбГУ. Такая ситуация едва ли способствует здоровой интеллектуальной жизни в городе и уж тем более совершенствованию ситуации в самом СПбГУ.

Что же касается востребованности философии в обществе, интереса к этой деятельности, то все это, безусловно, присутствует в нашем обществе, и это отличает бытование философии у нас от бытования философии за рубежом. Сейчас интерес к философии во Франции, так же, как и во всей Европе, мнимый. Их печатают в больших количествах, а интереса нет. У нас же есть общественный интерес, но философский факультет этот интерес игнорирует. В силу этого факультетские философы никогда не будут востребованы в обществе, и это при том, что философский факультет является единственным претендентом на доминирование в региональном сообществе. Уже в силу этого можно говорить о трагизме самосознания философского факультета.

Говоря о взаимодействии нашего философского сообщества с другими гуманитарными сообществами нашего города, можно сказать следующее. Существует две основных группы гуманитарных наук, с которыми у философии складывается роман: это, прежде всего, комплекс филологических дисциплин, точнее историко-филологических, а с другой стороны — комплекс психологических в целом и, прежде всего, психоаналитических дисциплин. В этом смысле роман с более объективными социальными науками не так пока выражен, если иметь в виду социологию, юриспруденцию и тем более экономику. Однако существуют примеры, которые указывают на то, что существует возможность плодотворного сотрудничества со всем комплексом общественных наук. Странным образом, но именно с традиционно более философскими дисциплинами (например, с социологией), мне не кажется, что контакт вполне нормален, может быть, это обеспечено не столько существом дела, сколько недавней историей взаимоотношений, слишком недавно они разошлись, и еще под вопросом стоит самоидентификация. А уж с такими социологическими субдисциплинами, как социальная антропология, я полагаю, контакт не только возможен, но и неминуем.

А.Н. Дмитриев: Мне хотелось бы затронуть вопрос о связи и соотношении философии с частными дисциплинами, в первую очередь, гуманитарного профиля. Ведь философия соотносится с другими сферами науки и культуры — художественным миром, вузовской или академической системой, не сама по себе (и, думаю, не как «царица наук»), а исключительно в соотношении с другими родственными науками — историей, социологией, психологией, искусствознанием и др. Следует, наверное, напомнить, что развитие современных гуманитарных и социальных дисциплин было в социальном смысле с конца XIX до середины XX вв. во многом эмансипацией от философского факультета, в недрах которого они зародились, и до сих пор их эволюция протекает в известной конфронтации с философией, чье традиционно первенствующее место закреплено ее обязательным статусом в перечне лицейских и университетских экзаменационных дисциплин (особенно это касается Франции). Ответом философии на этот вызов «снизу» стало ее сосредоточение на детальных и тщательных разработках эпис-

темологических (англо-американская традиция) или историко-философских (в Германии и во Франции) проблем.

В сравнении с этим произошедшие за последнее десятилетие изменения в России были еще более разительными — на место прежней методологической монополии позднесоветской философии пришло многообразие конкретных дисциплинарных методологий (главным образом, англо- и, реже — франко- и немецкоязычных). Книги Ильенкова, Библера, Пиамы Гайденко, Юрия Давыдова или Мамардашвили на полках гуманитариев сменили труды Бурдые, Панофского, Поля де Мана, Жака Лакана и Клиффорда Гирца — тех, кого еще десять лет назад читали бы недифференцированно как «философов», но теперь уже воспринимают в контексте логики соответствующих дисциплин. Это не значит, что гуманитарии перестали читать Хайдеггера, Деррида или Виттгенштейна, но это связано уже с расширением и прояснением горизонтов их собственной работы, а не в качестве «ворованного воздуха» «настоящей мысли», и никакие местные посредники-истолкователи, кроме разве что переводчиков, им для этого не нужны. Эмансипация социальных и гуманитарных наук от необходимой ранее идеологически-методологической надстройки в форме сколь угодно утонченного марксизма стала также и освобождением не от философии, но от философов. Мне кажется, что отечественные (и в особенности петербургские) философы попросту не заметили этих перемен, как и того, что в их существовании и их продукции перестали нуждаться коллеги (в отличие от студентов). Это происходит, как мне представляется, из-за профессиональной идеологии местного философского корпуса, поскольку его интеллектуальное бытие было задано в рамках весьма специфической «доксы» (пользуясь понятием Бурдые).

Я бы описал ее так: факультетский — значит, объективно лучший в современном Петербурге — философ готов вступить в диалог с коллегами (условно) с других факультетов исключительно с позиции символического превосходства, заранее гарантированного им самим статусом «философа», который будто бы с самого начала помещает их (в собственных глазах) в превосходящую критически-трансцендентальную позицию относительно «слепого» эмпирического багажа их собеседников-гуманитариев. Понятно, что в таком случае настоящий диалог невозможен и, более того, в действительности не нужен ни той ни другой стороне. Уроки дискуссий на семинаре по критике социальных и гуманитарных наук, проводившемся несколько лет назад на филологическом факультете, достаточно ярко это демонстрируют. Претензии на обоснование социальной философии «по ту сторону» теоретической социологии (программа кафедры социальной философии госуниверситета), строительство метафизики искусства или философской эстетики на месте искусствознания (круг авторов журнала «Метафизические исследования»), философская антропология без культурной или социальной антропологии или семиотики; занятия философией истории или бахтинологией (Е.Г. Соколов, К.Г. Исупов и др.), как будто не существует историографии или филологии — все эти стремления расцветившей «знаковыми» цитатами философской эссеистики подменить собой предметную рефлексию над конкретным материалом представляют, на мой взгляд, заведомо проигрышные стратегии в смысле существования философии в ряду других родственных дисциплин.

Намеренно сгущая краски, беру на себя смелость предсказать, что петербургской философии (я говорю именно о лучших ее проявлениях) еще достаточно долго суждено будет разрываться между скучноватой казенщиной расписания философского факультета и эстетическими экзерсисами на галерейных пространствах, в тщетных попытках перешеголять московских коллег, группирующихся вокруг издательства «Ad Marginem» (В.А. Подорога, М.К. Рыклин и др.).

То, что в Европейском университете Петербурга, одном из лидирующих гуманитарных учреждений города, нет философского факультета — не только следствие отсутствия академической философии в городе (ведь ЕУ — во многом отпрыск именно академической системы), но знак отсутствия потребности городс-

кого сообщества гуманитариев не в философии вообще, а в философах, могущих воспроизводить философию описываемого рода.

То, в чем жизненно нуждается современная петербургская философия и в чем мне видится задача и нынешнего семинара, — это в усилении взглянуть на себя со стороны без обязательной позы и привычных претензий на гарантированно первенствующее место, как на одну из отраслей воспроизводства гуманитарного знания, встроенную в отечественный и международный научный и культурный контекст, со своей историей и социально и культурно определенным, а не всеобщим и трансцендентальным статусом. Боюсь только, что местное философское сообщество, строящееся на консенсусе уходящих шестидесятников и радикальных завершителей-закрывателей-отвергателей постмодернизма (на консенсусе выделяться, не деградировать до уровня рядовых преподавателей-философов в непрофильном вузе), едва ли способно к такого рода необходимому для продуктивного диалога с коллегами самосознанию и самокритике.

А.Н. Исаков: Я хочу вернуться к теме круглого стола и указать на необходимость различения интересности социологии философии как дисциплины и возможности существования такой дисциплины. Социология возникла как самосознание индустриального общества, общества рыночных отношений. Если в конкретной ситуации, в конкретном сообществе мы наблюдаем рынок, то это уже позволяет говорить, что социология этого сообщества возможна. Возможность конституирования социологии философии определяется не с точки зрения содержания интеллектуальной традиции, а с точки зрения рынка интеллектуальной продукции. Современная ситуация в интеллектуальной сфере общества — ситуация конкуренции рыночных ценностей, а не конкуренции методологий, о чем говорил М.С. Каган. Да, конкуренция методологий имеет место, но факторы, определяющие эту конкуренцию, существенно различны. С точки зрения конкуренции рыночных ценностей важно то, какая концепция более органично сочетается с другими сферами потребления, а не методологическая корректность этой концепции. Тут интересна не рефлексия профессионала, а реакция общественности на тот продукт, который предложен на рынке. Причем анализ этой реакции может сделать только социолог, т.к. это предполагает полевое исследование. Сам философ сферу потребления исследовать не может, ввиду своей некомпетентности в исследованиях такого рода.

Что же касается интеллектуальной традиции нашего сообщества, то это марксизм. Причем марксизм является нашей традицией не только в категории сущего, но и в категории должного, ибо не было большой необходимости в его прерывании. Иное дело, что предложенная в первой половине XX в. его версия себя исчерпала. Поэтому в текущей ситуации наиболее логичным ходом является некая метаморфоза марксистского дискурса. В той же Франции был достигнут консенсус постмодернизма и марксизма, достаточно указать на Альтюссера или Жижека, и это дало позитивные результаты. Очевидно, что марксизм не отторгает дискурса феноменологии, возникшего позже. Опыт структурного прочтения марксизма (Л. Альтюссер) не противоречит феноменологическому прочтению Гегеля (В. Кожев) — их можно соединить. Поэтому я полагаю, что марксизм — вполне возможная универсальная форма современной философской мысли.

Я согласен с Николаем Ивановым, что всякая критика марксизма оборачивается его развитием. Иное дело, что традиция философского письма, о которой говорил Павел Кузнецов, и система образования являются в России все еще вульгарно марксистскими. Само философское сообщество на это реагирует достаточно нервно и порывает с марксизмом либо занимаясь калькированием французской философии (В. Подорога и его группа), либо уходя в ту или иную форму идеологически ангажированной мысли (русская религиозная философия и т.п.). То, что сейчас отечественные философы мало говорят о марксизме, не является показателем разрыва преемственности: философское самосознание нашего общества неадекватно само себе. Увлечения русской мыслью в ее религиозной

или квазирелигиозной форме возникло у наших философов от неуверенности в своих силах. Можно сказать, что там, где русский мужик от неуверенности в себе начинает ругаться матом, там российский философ уходит в идеологически ангажированные формы философии. Вот это, по моему убеждению, неприемлемо для современной философии. Проблема идеологической ангажированности современной философии обсуждается сегодня как проблема профессионализма в работе философа. Можно сформулировать критерий профессионального высказывания философа — это высказывание не должно иметь идеологического характера. И в то же время для философской мысли характерна универсальность суждения уже хотя бы потому, что суждение об истине универсально. Без этой претензии мысли на универсальность не может состояться философия как профессиональная деятельность. Там, где мысль является идеологически мотивированной, там проблематично философское высказывание. Если для марксизма возможно отделение идеологии от методологии, то для христианской мысли это невозможно, т.к. в христианстве нет единой методологии, тем более философской.

На философском факультете Университета благоприятная обстановка, т.к. идеологические высказывания носят остаточный характер и не определяют его магистрального направления. Уже в виду этого и РХГИ с его христианской философией и философский факультет Герценовского университета с его славянофильством ввиду своей идеологической предрасположенности безусловно уступают нашему факультету.

С.В. Дамберг: Сегодня социологическое изучение философского сообщества нельзя рассматривать как еще одну отрасль социологии или как возврат социолога в лоно спекулятивной философии. Сегодня социологическое изучение философского сообщества является инструментом рефлексии самого философа. Так сложилось, что ныне философы являются довольно закрытым сообществом и позитивное философствование в их рядах стало рискованным делом, к тому же у них появилась институциональная возможность избежать этого риска, сохранив за собой право на профессиональную идентичность, уйдя в бесконечное комментирование классических философских текстов. Сегодня интеллектуалы остаются в философии просто за неимением выбора: сегодня не приход в философию, а уход из нее стал шагом в интеллектуальной карьере российского интеллектуала — уход в культурологию, социологию, политологию. Поэтому проблема для российского интеллектуала не в том, чтобы дорасти до философствования, а в том, чтобы перерасти философствование. Такова ныне траектория интеллектуальной и профессиональной карьеры. Но эти траектории либо игнорируются, либо фальсифицируются философским сообществом на заведомо ложном основании: ушедшим из философии приписывается ориентация на рынок, конъюктура, профессиональная немощь и т.д. Но мы — социологи — видим, что поиск ответов на профессиональные вопросы выводит из рядов философского сообщества. Иное дело, что эти рассуждения просто не приняты вызывать философствованием, т.к. они происходят вне философского сообщества. Тут мы видим уникальную ситуацию, и не прав Н.Б. Иванов, говоря, что можно посмотреть на философский факультет и увидеть, что происходит в мировом сообществе. Ситуация в поле российской философии отлична от ситуации в Европе или Америке: интеллектуальная карьера у нас идет в диаметрально противоположном направлении. В Европе философствование отличается от других видов теоретизирования по масштабу постановки проблемы. У нас философствование распознается по наличию определенного набора терминов, вне какой-либо зависимости от предметной направленности самого рассуждения. Это позволяет говорить о фальсификации предмета философствования самими философами: для них это не столько процесс, в который они вовлечены, сколько процедура, за которой им предписано надзирать.

Поэтому у нас философствование фальсифицировано отнюдь не марксизмом, т.к. для всех тех, кто не включен в философское сообщество, марксизм не является проблемой в философии и марксизм наших философов неочевиден и неинтересен. Я допускаю, что он переживается как проблема внутри сообщества, но и это вызывает у меня большие сомнения. Мы ждем от философов собственно философствования, а получаем закрытые спекуляции, некую игру в термины, голую интертекстуальность. Мы видим, что каждый новый текст наших философов есть комбинация из предыдущих текстов. И чем более он интертекстуален, тем больше он гарантирован на признание в своем сообществе.

Что происходит с современным философским сообществом, когда оно откажется от задачи формирования дескрипции? Мы не беремся доказать, что в силу неких причин философ отказался от этой задачи. Но мы можем констатировать тот простой факт, что в философствовании так и не появилось прямой дескриптивности, философ не описывает свой предмет, он лишь удерживает его в своем умозрении. То же происходит и с рефлексией: она так и не стала исследованием в том смысле, каким это понятие наделяют ученые, привыкшие описывать свой предмет. Философ, в принципе, остался вне процесса исследовательского описания реальности — и стратегически проиграл от этого. В этом уникальность философского сообщества. Все остальные интеллектуальные сообщества так или иначе ее решают. И у всех остальных исследовательская процедура — это пошаговая процедура рефлексии, а не единый спекулятивный акт.

Так что же мы можем узнать у философов? Мы можем редуцировать городских философов Санкт-Петербурга до уровня простого сообщества, изучая членство, границы, структуру, статусы. Но мы хотим научиться чему-то более сложному: описать и проанализировать предмет профессиональных практик философов, не зная заранее, что это есть философствование, подозревая в философствовании некий комплексный спекулятивный навык, в котором центральное место занимает навык интертекстуальности.

Когда мы говорим о социологии философии, то речь не идет о социологической ревизии философии, речь идет о социологической ревизии философского сообщества. Речь идет об исследовании, которое должно ответить на главный вопрос: философствует ли наше философское сообщество и правильно ли мы адресуем свои ожидания по поводу философствования. Не должны ли мы адресовать эти ожидания самим себе?

Материал подготовили Т. Сафонова, Е. Москаленко